

Развитие майнонгианской теории предметов: критика субституциональной теории искусства Барри Смита

В рамках аналитической философии сложилось целое направление, развивающее идеи А. Майнонга, переводящее его теорию предметов на язык современной логики и т.д. Последователей Майнонга не устраивает та антиреалистская философская программа, поэтому они продолжают поиск новых теорий, связанных исследованием онтологического статуса вымышленных или противоречивых предметов. Конечно, в связи с этим возникает вопрос, а остаются ли эти новые теории майнонгианскими, или они представляют собой некоторые альтернативные концепции. С моей точки зрения, необходимо не столько придумывать различные вариации на теорию Майнонга, не столько предлагать некоторую очередную классификацию предметов, новые способы предикации и новые виды свойств, сколько конкретные методы для анализа вымышленных предметов в литературе и искусстве, а также для анализа предполагаемых предметов в области науки.

В связи с этим я хотел бы рассмотреть любопытную концепцию, предлагающую стилистически иную интерпретацию майнонгианских идей. Если, к примеру, ортодоксальные майнонгианские теории Парсонса и Роутли представляют собой переведённые на современный язык версии теории Майнонга, то теория Барри Смита, основывается на критическом анализе майнонгианских идей.

Столпом теории Смита является майнонговское различие феноменов на подлинные (Ernstgefühle) и феномены фантазии (Scheingefühle, phantasy phenomena по Смицу). Феномены фантазии это не просто образы реальных предметов. Они отличаются от подлинных феноменов отсутствием убежденности или веры в существовании представленного предмета. Это не особый вид представления. Оно само является модифицированным, поэтому вообще не является представлением. В связи с этим, ему в принципе не может соответствовать никакой предмет.

Исходя из всего этого, Смит делает первый шаг в формулировании своей субституциональной теории искусства, выдвинув предположение о том, что субституциональные акты представления могут порождать и вызывать подлинные эмоции и чувства.

Грань между двумя вышеуказанными видами феноменов является довольно тонкой. Смит при этом замечает, что феномены фантазии гораздо проще и более пластичны по своей природе, нежели подлинные психические феномены. Различные фантазийные чувства, возникающие при воображении приятных или мерзких запахов, сильно отличаются даже от слабых реальных чувств. Реальные же чувства сами по себе слабо очерчены, а для их переживания обязательно определённое психическое усилие. Фантазийные чувства с другой стороны четко очерчены и гораздо больше связаны с теми обстоятельствами, благодаря которым они возникают. Подлинные чувства далее различаются исходя из того факта, что они манифестируют довольно специфичные вид темпорального гештальта. К примеру, они могут проходить очень медленно, оставляя за собой глубокий след в течение довольно длительного периода времени при полном отсутствии предмета переживания. Фантазийные чувства с другой стороны представляют собой своего рода интеллектуальные акты восхищения или размышления, которые могут быть прерваны по воле субъекта, и даже при этом могут немедленно бесследно исчезнуть. Наконец, они не оставляют столь глубокий след, как реальные феномены.

На мой взгляд, всё-таки рассуждение о том, какой по силе, по глубине (или по каким-то другим показателям) след оставляют после себя реальные и нереальные феномены, является откровенно субъективным и нуждается в более серьёзных обоснованиях. Простой

отсылки к собственному опыту для этого недостаточно. У разных людей опыт восприятия произведений художественного искусства будет разным. Попробуйте, например, сказать человеку, испытавшего катарсис после восприятия того или иного художественного произведения, о том, что тот психический феномен, который он в данный момент переживает, мало того, что не является подлинным, так ещё оставляет после себя недостаточно глубокий след. Если вспомнить Майнонга, то тут мы вполне имеем дело с явным предрассудком в пользу действительного на примере восприятия произведений искусств.

Субституциональная теория, таким образом, может быть использована для того, чтобы пролить свет на природу художественных традиций, эстетической ценности. Её преимущество состоит в том, что она обращается к тому, что существует, в том же смысле как существуют реальные вещи. Поскольку вымышленные и абстрактные предметы не являются действительными, сложно понять, как они смешиваются на уровне онтологии с реальными сущностями, которые составляют наш эстетический опыт. Тем не менее, всё, что относится к данной теории, все физические субституты эстетического опыта, висящие на стене или на полке, или доносящиеся из концертного зала – все эти сущности являются реальными, внутренне структурированными, и относящимися друг к другу при помощи сложных, но понятных отношений.

Теория Смита не является канонической в том смысле, что её обычно не упоминают, когда пишут о майнонгианской, «метафизической» традиции в рамках аналитической философии. Она, правда, не принадлежит этому списку, она на это и не претендует. Её упоминание показалось мне важным исключительно потому, что в ней предлагается конкретный способ интерпретации идей, так скажем, майнонгианской философии на конкретных примерах из области искусства. Кроме этого, в теории Смита предметов изучения становятся в первую очередь не столько сами вымышленные предметы. Их статус здесь во многом зависит от описания структурных особенностей актов фантазии.

С другой стороны, конечно, это всё же незавершённая, неполноценная теория, фактически её фрагмент, изложенный в формате одной статьи, сиюминутный порыв её автора в отдельно взятый период его творчества. Эта традиция никак не была продолжена, а сам Барри Смит лишь изредка ссылается на эту статью для того, чтобы как-то отметить то, как изменилась его точка зрения по сравнению с отдельными (непринципиальными) тезисами, изложенными в этой статье.

Это обуславливает тот факт, что, конечно, она вызывает ряд вопросов, в частности, касающихся обоснования для введения субституциональных актов. По ходу прочтения этой работы присутствует ощущение недосказанности, того, что это просто введение к предстоящей более обстоятельной работе, в которой, может быть, даже некоторые тезисы будут пересмотрены, но базовая концепция будет сохранена и подробно расписана. Тем не менее, на мой взгляд, эта теория может служить образцом для работы в русле интерпретации майнонгианских идей для того, чтобы применять их на конкретных примерах из разных областей знания.